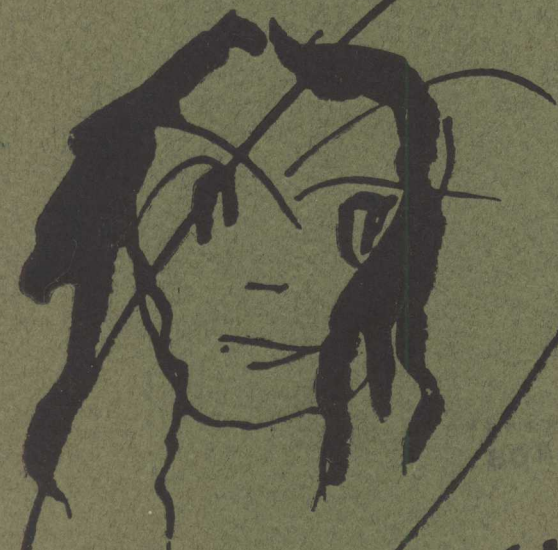

Великий

МЕЛЮЗИНА

Ф

ОПЛЕШНИК

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

МЕЛЮЗИНА
БРУНЦВИК

ОПЛЕШНИК
ПАРИЖ 1952

Copyright by Alexei Remizov

ИСТОРИЯ ПОВЕСТИ

Аромат цветов, дыхание земли, и свежесть моря — день жизни. Черный воздух, горечь звезд — ночь.

Звери днюют ночь и тем, не зверь и не-люди, простор ночь.

Темный мир ночи человеку ясен в сновидении — как все непохоже на белый день! — и жизнь зверей и духов, не зверь и не-люди, раскрывается закрытым глазам под колдующим покровом сна.

Сказку сказывает ночь, а сказочное дня из ночи.

**
*

Духи скрыты от этих глаз, зримы в образе живого дня: *оборотень*: как человек, как зверь, как растение, как вещь. Непохожие. Оборотнями входят духи в жизнь человека. Они окрашивают радужный цвет жизни своим горьким — цвет тревоги.

Природа звучит разнообразно, приглушить ее горечь и все сольется в голос — вертящаяся радуга — серый цвет.

С горечью — цвет ночи — идет в мире жуть.

Ночное — странное, неустойчиво и без навыка, как неожиданное, беспокойно.

Оборотень чуется встревожем, а встреча — звери шарахаются, человек теряется.

**
*

Моим глазам в природе жизни — вижу: человек, зверь, растение, духи. А есть и еще: человек — человеко-зверь, человек — человеко-дух.

О человеке-звере в сказках.

Пиши биографии великих завоевателей, царей, “людоедов человечества” не литераторы, не историк клоп, а ученый зоолог, не надо было бы и заглядывать в сказки.

Растительное — человеко-дерево у всех на глазах, потому и не замечается.

О человеке-духе легенды.

Духи вне судьбы живого видимого мира, не рождаются и не умирают — “им в грядущем нет желанья, им прошедшего не жаль” — игра в непостижимую игру. Но у каких-то духов, близких к человеку, неутоленное желание очеловечиться — русская кикимора.

Кельтские феи — человеко-духи, рождаются, но смертный час для них заказан. И жажда очеловечиться — умереть, как и у духов нерожденных, близких к кругу человека.

Переменить свою природу! — такое в каждом духе, обреченном без срока носиться над землей, а в ближайших к человеку, как и в человеке-духе, это желание переходит в страсть. Земля своей забывающей землей, беспоконному сулит отдых.

Стать не самим собой! — под таким знаком проходит все живое на земле и над землей: смертному бессмертие, а бессмертному завидный человеческий конец.

Жан Дарас (Jehan d'Aras), задумав семейную хронику графов Лузиньян, взял в основу кельтскую легенду о фее Мелюзине. В хронике рассказ о родоначальнике Лузиньян — Зубатом Жоффруа (à grand dent), его отце потерянном Раймонде и его матери Есташ Шабо — Мелюзине.

Жан Дарас написал хронику по латыне 1387-1393 г. Туринг фон Рингельтинген, Аугсбург в 1456 перевел на немецкий.

Первое издание Мелюзины немецкое в 1474, а по-французски 1478.

Повесть полюбилась и в 1489 ее читают по-испански; в 1491 — по-фламандски. В XVI веке о Мелюзине забыли и только с конца XVII зазвучал ее голос: в 1667 — по-датски, в 1760 — по-шведски и по-чешски.

Русская Мелюзина “прелог” с польского в 1677 году. Польский переводчик Мартын Сенник, русский — посольского приказа Иван Руданский.

Царевна Наталья Алексеевна, ученица Симеона Полоцкого, сочинила театр о Мелюзине.

Не касаюсь семейной хроники Лузиньян, военных подвигов детей Есташ Шабо, буду сказывать хоровой сказ о судьбе разлучной и разлученной — о моей опечаленной фее Мелюзине.

МЕЛЮЗИНА

Разлука!

*Душа человека какие выносит мученья!
А часто нам выразить все их достаточно звука.
Стою, как безумный, еще не постиг выраженья:
Разлука.*

Свиданье...

*Разбей этот кубок — в нем капля надежды таится —
Она-то продлит и она-то уводит страданье,
И в жизни туманной все будет обманчиво сниться
Свиданье.*

(Слова Фета так близки моему о Мелюзине).

МЕЛЮЗИНА

6 x 1950

II рд

“Богат и славен” Эмери граф Пуату, его владений не обойти: на одном конце куры полночь поют, на другом пожар, горит закат, там рассветает ночь в зарю, а тут стал белый день — земля! и казну считать, не счесть. А был у него брат, не скажешь, граф, соседи, да землято у него только что под двор и что под садом. В этот яблонный сад частенько наезжал старший: был он не по дарам в семье одинок: из детей только сын и дочь, а у брата под яблоней их что падалок. И пришла ему добрая мысль, разгрузу бедного брата.

А бедный брат и говорит:

“Бери хоть всю дюжину, пожалуйста: самим едва прокормиться, а детям — ли в разбой, ли голодная смерть”.

Эмери облюбовал себе младшего.

“Раймонд будет мне за сына, тебе не жалко?”

Отец ничего не ответил и не дожидаясь завтра, отвел из яблонного сада свой палый яблочек в графский замок.

Так начинается чудесная и жалостная история Раймонда, графа Лузиньян.

Свой, да не свое, а с чужим — и все по своему: не Бертрам для Эмери, а Раймонд — первый. Говорили, никакой он ему не племянник и поминали палые яблоки брата. Да на слух мало в чем оправившись. И был грех или не было, ничего не меняет. “Грех” — эти цепи, чего в природе нет, сочиняется или для упрощения — пиши,

не задумываясь! — или из зависти — мне не попало! Эмери в приемном сыне души не чаял.

Растет Раймонд любопытный под стать Эмери.

Эмери знался с астрологами, прошел глазами все звездные пути, знал больше за облачным туманом, чем здесь, на своей сырой земле. А среди его лесов были те же каметные пучинные гнезда, что и там среди ясных созвездий.

Дикий лес Куломбье. Среди леса источник. Заколдованное место. Что там чарует в лунные ночи и почему источник — “Утолимая жажда”, толком никто не скажет. Случалось, заблудится который, а добром не выбраться домой — какая это музыка и воздушная пляска душу сломит и мысли запутает?

“Вот бы взглянуть!” тянет Раймонда опасная тайна.

“Когда-то всей этой землей, рассказывал Эмери, владел северный король Елинас. О его жене, королеве Прессине шла молва, волшебница. Она и была волшебница — она была фея, но об этом никто не догадывался. Есть в природе призрачные существа, образ и подобие человека, наделены властью над силами стихий, феи; феи — добрые и злые, потому что они люди. У Прессины было три дочери: Мелюзина, Палатина, Мелеас. Их поселила мать на потерянном острове — есть такой в Екосе, теперь потерянный — мать обучала их волшебству. Дружная была семья: дети любили отца, а еще больше волшебницу мать. Что случилось: потянуло ли человека к человеку или так написано, быть тому было? — Елинас изменил своей доброй фее. Ворожкой дети открыли матери тайну отца и она в гневе покинула Екос. И никто не знал, куда скрылась. Покинутые на свою волю, в отчаянии задумали сестры отомстить за мать. Чарами они заманили отца в Нортумбелян на гору Брюм-

белуа — там и погиб король стиснут между скал. Пресина пришла в ярость, когда узнала о жестокой расправе над Елинадом и прокляла материнским проклятием разлучниц дочерей. Младшая Мелеас — стеречь со-кравища отца и получит свободу, передав рыцарю, который явится к ней, как в путь итти освобождать Гроб Господен; Палатина заброшена в армянское царство — там в королевском замке стеречь ей сокола, вольную птицу, а старшая Мелюзина стережет источник — надо чтобы явился человек, который бы полюбил ее и во всем поверил — своей беззаветной верой он снимет с нее проклятие и освободит от чар. Но где такой человек?”

Раймонд слушал нетерпеливо. Его глаза отвечали: он и есть тот человек.

“Если бы только увидеть!”

“Мелюзина, Палатина, Мелеас — несчастные сестры! в раздумьи говорил Эмери, материнское проклятие неизбежно.”

“Мелюзина!” с восторгом повторял Раймонд.

Эмери волхвует по книгам. Ему небесная тайнопись та же охота. Он любит небо и поле. И как задумает гонять зверя, и всегда с ним Раймонд. Где найдешь ему ровню: ловкий и смелый — сверстникам в зависть, матерому охотнику в диво, зверю гроза. Среди волков шли разговоры: зарежем! — а среди завистников: “изведем!”

**
*

Немые духи, чуждые звери, торопливые люди, что мы знаем о судьбе человека? — “Счастливый!” — Но разве счастье отнимают? — Счастье само уходит вдруг. Как без зова из пучины сердца бурей подымается скорбь.

**
*

Тайна — сокровенное мира, потемки, а свет от него ярче луча жизни. Без тайны померкла бы жизнь.

Тайна призрак, освети потемки, и она исчезла — и никакого смысла жить.

Тайна жало: горечь или медовый глоток.

Тайна безымянна.

**
*

Осенью гляжу в окно на пустые гряды. Галки и вороны, шарахаясь, стаяй перелетают. Холодная вечерняя заря. Мне тоже холодно. Еще не скоро День всех святых — печи затопят в доме. Да все равно! Вот последнее слово жизни: “все равно”.

3

Гнали дикого вепря. Раненый зверь убежал в чащу. Охотники разъехались в догонку. Раймонд ни на шаг от Эмери.

Зимний день — ранние сумерки.

Они плутали по лесу и только к ночи выбрались на простор. Едут к развилке дорог, дыша морозом.

Луна подымалась. Скрипучий искрами дымился снег. Выкованные стужей звезды — литые цветы — вспыхивали узорною строчкой.

Эмери читает по звездам — смущен:

“Этой ночью раб убьет своего господина; убийца не будет наказан, а получит от потомка убитого награду и честь”.

— Грозные вести, говорит Эмери и повторяет предвестие звезд.

“Звезды не лгут, но глаза ненадежны, легко обмануться!” беспечно заметил Раймонд.

Кони — вспугнутые птицы — вкрылялись черной дернью в сиянье ночи. Из лесу теплой рукой манил огонек: будет где обогреться, да и другие охотники не обойдут.

Покинутый пастухами костер.

Эмери стал у костра. Раймонд пошел собирать ветки. Огонь разгорался. По зимнему в лесу немела ночь, и вдруг донесло — и треск и сап: загнанный вепрь, разъяренный, пенясь бежал на огонь.

Было б Эмери спастись — живее полезай на дерево, туда не достанет. Но гордость сломила благоразумие: ухватя рогатину, Эмери нацелился на зверя. Вепрь уклонился и удар, направленный на зверя, отшвырнуло, и прямо в грудь — задохнувшись, Эмери упал. И тогда на лежащего вскочил вепрь.

Все это случилось на глазах у Раймонда. Он бросил собранные ветки и с яростью ударил рогатиной под правое плечо — и удар пришелся в сердце: не подняться вепрю! А под заколотым вепрем, обливаясь кровью, не шевелился Эмери: удар пришелся в сердце.

**
*

Что ты сделал? Ты убил Эмери? Невольно. Да не все ли равно — намечено взглядчивой мыслью или поднялась слепая рука: кровь. Оправдаться, сказать по правде, как было, но правда, ее захватили, твоя правда никого не убедит. Всякому в глаза: не клыки вепря, рогатиной растерзано сердце. Тебе никуда не уйти. Ночь не вечна.

Раймонд вскочил на коня и погнал без пути.

Месяц, исходя всем своим тревожным светом, поднялся так высоко, что казалось, не удержится на небе и полной пайкой вышлеснет его на землю. Но звезды, спутницы и хороводы, зазубренной оградой, осета, держат.

Конь и лунная дорога мчат всадника в пропасть.

4

Она окликнула его.

И на ее зов в отклик ясно прозвучал ручей:

“Мелюзина!”

Раймонд очнулся.

“Зову тебя не раз, сказала Мелюзина, но мой голос безответно падал. Ты что же? или со своим конем разговаривался? Твой конь вывел тебя на верную дорогу”.

И она взяла коня под уздцы.

Лицо ее лунной водой струится между черных берегов, глаза дремучая лазурь. У ее ног источник.

Раймонд сошел с коня.

“Кто утолит мою жажду!”

— Печаль погасила свет в твоих глазах, сказала Мелюзина, пей и умойся!

Раймонд жадно припал к ручью.

— Я все знаю, говорила Мелюзина, он не ошибся, правильно прочитал по звездам, его судьба нераздельна с твоей, ты убил отца.

“Эмери — отец?”

— Ты убил отца. Я тоже убила своего отца, и меня прокляла мать, а ты будешь почтен перед всеми. Звезды говорят правду.

“Как мне смотреть в глаза?”

— Я смотрю.

Она была не одна. Отсвечены от ее света похожие — ее тень — они окружали ее, ворожа. В их круговом движении веяла заботливая тишина.

— Тебе одна дорога, сказала Мелюзина, возвращайся домой. И как будут охотники ехать из леса и спрашивать друг друга о Эмери, где он? — и ты спроси. На вечерней заре его найдут в лесу у костра под убитым кабаном. Ваши зоркие глаза под саваном страха обнаружат на теле убитого тобой смертельные кабаньи клыки. А ты говоришь: “как мне смотреть в глаза?” В чьи глаза? Кому? После похорон Бертрам станет одарять по душе отца. Ты был для Эмери ближе родного сына, всем известно, и чего ты не попросишь, твой брат тебе ни в чем не откажет. Ты укажи на источник и сколько от скалы покроет кожа оленя, пусть будет твоя земля. Олень отмерит твою долю, ты будешь богаче всех и самого Бертрама. И я буду твоей женой. Верить ты мне?

“Верю, твердо ответил Раймонд, ты облегчила мне душу. Что я могу сделать для тебя?”

— Я несчастна. Ты один можешь освободить меня.

“Ты сняла с меня печаль, а я беру на себя все твое несчастье.”

— Нет, жертва выше твоих сил. Я не прошу такого. Но в твоей власти сделать меня счастливой. Дашь ли ты мне клятву — никогда не нарушишь слова?

Раймонд затаился.

— Суббота, запомни! В субботу не спрашивай и не входи ко мне.

“И это все?” подумал Раймонд и с легким сердцем: “Клянусь!”

— Ты убил отца, продолжала Мелюзина, тайна от-

крыта мне и никому. Ты невиновен — твоя судьба. Но моя тайна — моя вина. Ты, защищая отца, не мог не совершить, что произошло, а я могла, заступаясь за мать, не делать так, что вышло. В твоей воле снять с меня мою вину. Суббота, запомни, в субботу не спрашивай и не входи ко мне.

“Клянусь!” горячо повторил Раймонд.

И вторя словам, журчал ручей:

“Суббота — в субботу не входи и ни о чем не спрашивай”.

На мгновенье неизбежность неверной человеческой доли затуманилась, все показалось так просто — Раймонд глубоко вздохнул. Вещая Мелюзина задумалась.

**
*

Она покрыта проклятием матери. Мстя за неверность отцу не поверила его любви. Какая вера снимет с нее проклятие? Вера испытывается тайной. Но есть ли такой крепости вера, что не сломится перед тайной? Где и в чем найдет себе человек покой, неизбежно в тревожном круте неизвестного? Тяжко, но легче вынести самую горькую правду, чем дразнящее замалчивание — тайна невыносима. Любовь не стограет, а накаляется до безумия. Во имя любви закрыть глаза и покориться — горе человеку, который возьмет на себя крест: “не спрашивай”.

**
*

— Сдержишь клятву, расцветет наша жизнь. Запомни, не нарушай: погубишь меня и сам погибнешь.

“Клянусь!” в третий раз поклялся Раймонд.

Свое освобождение и мысль о освобождении другого, подняли его силы над человеческим “могу”. Или под чарами из подъемного пламени крепкая закалом и камнем уверена вырвалась клятва.

Она взяла его за руку.

Вздрогнув до всколыхнувшейся боли — ее рука, как глубокий ожог — он вскочил на коня.

Остения бледным светом — гаснут луны — лунные спутницы Мелюзины вывели его коня на дорогу к замку.

**
*

Остановись! Мы знаем, ты не хотел — рука судьбы толкнула твою руку. Правда снимет с тебя твой невольный грех. Мера любви жертва. Но перед тайной немеет жертва. Ты поклялся ей верить — и она поверила твоей клятве. Мера человеческой веры тайна. Тайна не убьет любви, а веру разрушит. Ее проклятие в неосуществимом — ее освобождение обольщающий призрак. Ты ее погубишь, отняв призрачную надежду. И себя погубишь — с ее гибелью все потеряешь. На тебе кровь отца, кровь отца и на ней — вас обручила кровь. Но тайна разорвет и крепкие узы и подымет пожаром беззаветную любовь.

5

“Этой ночью раб убьет своего господина, убийца не будет наказан, а получит от потомка убитого награду и честь”.

Так по звездам и исполнится. Знают двое — Рай-

монд и Мелюзина, а для других глаз тайна. И что они видят эти глаза? Смерть Эмери от рогатины Раймонда свалили на вепря: клыком прободал в сердце.

Торжественное отпевание Эмери, по-королевски, а на площади перед Нотр-Дам всенародно жгли на костре виноватого вепря.

Душа человека подымалась на небеса под горестный орган в облаке ладана, легкая от боли постигала свою судьбу, мирясь со злостью долей, но зачаден своей горелой шерстью загнаный вепрь выдирался из пламенной щели, хрюча свое: “за что это мне, Господи?” и обобдевал под жгучим тычком: “так тебе и надо”.

Раймонд не спрашивал за что, ни как случилось? Потеря, нечем заменить, опустошена его душа, как бы руку ему отсекали и говорят, ступай! — и он идет. Только любовь так безутешна и покорна.

После похорон Бертрам граф Пуату решил из всех подданных отца первым наградить брата за его любовь и верность. Что есть на земле самое ценное, как ни земля, так пусть берет себе сколько вздумает — несметному графству урону не будет.

“Моя мера земли, сказал Раймонд, оленья шкура”.

Бертрам не поверил — такая наивная скромность. Раймонд повторил — голос Мелюзины властно прозвучал из его потеренного: “разве за любовь и верность ждуть себе награду?”

Не раздумывая, Бертрам согласился и запечатал своей печатью дарственную на землю: “мера — оленья шкура”.

Приближенные Бертрама смеялись: “дурак!”. А вышло не до смеху, когда межевой мастер Василий Торский, ученый алжирец, по карфагенски разрезав на тонкие полосы оленью шкуру, отмерил Раймонду оленью до-

лю. И по развезжей оказалось, Раймонд куда богаче Бертрама.

Бертрам не подосадовал на свою оплошность: мудрость Раймонда его покорила — с дураком и в мир ходи с оглядкой, а с разумным соседом и в заковырке найдется лад.

**
*

Что человеку надо на земле среди зверей с долей крота и дикого вепря? Что его подымет повелевать над людьми и зверем? — Земля. Не слава — крылатая в глазах других, не талант — как часто одаренность слывет за ни к чему. Только земля: она и умудрит, она и оталантит. Мудрая фея — талант Раймонда.

**
*

На земле за верной стеной — обвита черным плющом надежды. Какими огнями я могу осветить и эти глаза на меня и эти руки ко мне. Добро и радость однозвучны. Иначе как отличить человека от крота и дикого вепря? Мудрая Мелюзина, помини и научи. Забота не о себе заглушит боль о своем.

6

“Раб господина” сегодня господин явился Раймонд у Источника-утолимая жажда. Его конь по знакомой дороге перенес его из замка Пуату в заповедный Куломбийский лес.

Под баюкающий говор бежит со скалы прозрачная вода и в воде радугой окон церковь, раскрылись двери — выходит Мелюзина.

“Поздравляю, говорит она, какое богатство, сколько земли и все наше! А это мой дом!” показывает она туда — —

И он видит за церковью дворец. И следует за ней.

Он не спрашивал себя: откуда? — вчера, когда мерили землю, тут была дикая пустыня, пугало малодушных, а сейчас — он, как венр на костре, обалдевает.

Дворец — украшения — все прозрачно, каждый камень живет, и сколько парадных слуг — серебро, шелка и бархат.

“Я покажу тебе церковь!” говорит Мелюзина и звезда — глубокий рубин, вспыхнув, светя с ее лба, стелет красным воздушным ковром путь.

Перед образами задумчиво горят лампы, а под ними теплятся ясные свечи. Облако ладана и шуршит лесной можжевельник.

Церковь полна народу. Идет всеобщая.

Два хора и тенор кононарх — перелетные подхваты голосов.

С каким усердием молилась она: вымоленное закрепляла истовым крестом и глубоким поясным поклоном или в смутной тревоге умоляет продлить милость и не оставить, укрепив, и не покинуть.

На литии после благословения хлебов, вина и елея — священник благословил их — Мелюзину и Раймонда. И они обручились — жених и невеста.

Паникадилы озарили церковь.

“Пусть изобилие, огонь веселья, радость жизни да осветят землю!”

Если бы с воли донесло кричит филин, дикий крик отрезвил бы Раймонда, но была зима. И глаза не различают, нет и мысли, что у попа под эпитрахилью гуляет воздух, а ноги куриные, и у молящихся только шейные позвонки — для виду. Но и зачарованный, он не может не спросить себя, откуда столько народу?

“Все, что ты видишь, было всегда, говорит Мелюзина, отвечая на его тайные мысли, страх сильнее чар, страх отводит глаза... Но тебе нечего бояться: земля и вместе со мной, все в твоей власти.”

Она поднялась по ступеням к царским вратам и с амвона громогласно объявила, что не она теперь, а Раймонд господин над всеми.

Из толпы выступили и потянулись к Раймонду — шли с поклоном и присягали служить ему верой и правдой.

“И не такое еще увидишь, сказала Мелюзина, когда буду я твоей женой, а ты мой муж.”

**
*

Набежавшая волна любви — мгновенье без начала и конца — кто может и чем удержать мое счастье: люблю?

Откуда вы печальные — тени моего счастья? Что было, то прошло, я читаю по вашим глазам. Какой горький конец моей любви! И я говорю не голосом, не сердцем, а изнывом моей души: зачем же дается человеку отравленное счастье: люблю?

Ты веришь, потому что любишь и не можешь не любить. Без любви во что же и кому верить? Без радости и без надежды одно отчаяние покроет твои глаза.

Ты любишь — кто любит, тот верит. И нет веры без любви. Какая жгучая и горькая моя любовь без веры — твой конец.

7

Сколько игралось свадеб на Руси, чего только ни порасскажут семейные хроники, стоворные грамоты, росписи и чин, а о звериной свадьбе читаю у волшебницы Кодрянской в ее сказках, но такой диковинной, как в Пуату еще не бывало: Раймонд женится на фее Мелюзине.

Крещенские рассказы о Источнике-утолимая жажда, о Куломбийском лесе, где ни живой души, а бродят дикие звери да тешится нечисть, кому забыть с первой молитвой и до отходной, знает в Пуату всякий.

Есть на земле чистые места — Святая Земля, Мекка и Медина, и нечистые: заколдованное близь Диканьки и в Куломбийском лесу Источник-утолимая жажда. А на свадебных приглашениях указано было для сбора именно это нечистое место: Источник.

Смелчаки, охотники до развлечений, притворились больными. На дверях повешено предохранительное объявление: “не стучите и не звоните, оба лежим без задних!” — потом пожалеют. За то хвастуны и кичва, победив трусливый соблазн, прибыли с семьями точно в назначенный час и прямо в церковь.

Среди присутствующих мы заметили небезызвестные имена, близкие и дальние соседи:

Брѣх, Курбат, Малявка, Враль, Цапка, Копыл, Мыкун, Мамза, Ушак, Ворыга, Кропот, Неклюд, Курюход, Коверя, Шаровка, Хухра, Харя, Рохля, Чулок, Клокуша, Глазун, Чупа, Молчан, Ревяка, Лазута, Тюря, Гневаш, Тутыка, Понко, Торх, Руккуля, Кухмыр, Докуня, Карзина, Ликур, Кувака, Таралыка, Дыляй.

Носы до переноса на Мелюзину.

Мелюзина — красная яблонь, в ее синей дрёме робкое счастье.

Раймонд — что в нем осталось от яблоньного сада? разряжен — приплюснутый грецкий орех со вздернутым носом. Когда это счастье бывало умным? — но его улыбка была прямо дурацкой: он принимал изъявления бескорыстной человеческой подлости почтенных, в оправе, льстивых прозвищ, людоедов.

Из оголошенной пряными хорами церкви, после венца обезьяньим гуськом перешли гости по розовым коврам во дворец.

Голова кружилась, трудно вообразить себе такое богатство — оно лезло из щелей, из под пола, валилось с потолка, висло из стен и торчало из окон — свое и привозное.

Залы сверкали от драгоценностей.

И вот чего никто не мог вспомнить, какая в тот день была погода и освещение — наверно сказать, что никаких свечей и электрических лампочек, а что-то вроде электричества со вспышкой, я скажу, демонские светящиеся перемиги; а дышалось лесом, пускай по святым в ту пору ходил Кузьма-Демьян с гвоздем, ковал реки.

Сытые ели по волчьему. Все было так хитро и замысловато: не то вилок тыч, не то развлекайся пальцем. Вина душистые кипрские, известно, на Кипре и пустая ягода ананас, завезли крестоносцы. Медовой волной лилось вино.

Музыка гремела, как лакированный тарантас по каменным московским мостовым — грохот, присвист и жиг. А хоры песельников подымались и падали в раскат по цареградски, с воздыханием херувимской.

И когда взвились танцующие гирлянды, трудно ска-

зять, балетные ли это танцоры или змеи — змеи вылуплялись из цветного воздуха и вышшелушивались из воздушных цветов — о таких легких взвивах не мечталось и Вестрису.

Очарованные гости не хотели расходиться. Едва уломали. А которых и силком пришлось выпроваживать, по родственному, и ни один из загулявших не вернется домой, не унеся веселую голову и подарок на память.

С подарками не все прошло гладко, но винить хозяев тоже не порядок, а вернее чудесный случай или перепутная хмелина.

Руккуле досталась брошка — камни играют, зажмуришь глаза, а дома, как раскрыли футляр и оказалось, никакой брошки и никаких бриллиантов, а рисовая папиросная бумага и на бумаге сидит лягушка — понадавили пальцем, мягкая, а заквакала не по-нашему.

Цанке полный сундук навалили добра, а на поверку — гоголевский дедов зарочный клад: сор, дрызг, стыдно сказать, что такое, мой руки.

Но это еще будет на утро, на трезвую Руккулу и Цанку, а сию минуту дурьсон, окладистый мешок пустых надей и горьких чар.

И когда чары развеялись и огни разбежались всяк в свой темный куток, и Раймонд и Мелюзина остались одни — кто же это не знает, какое счастье, любя, остаться наедине!

Счастливая, словами она ничего не сказала, она только посмотрела с мольбой, а в ответ ей — огонь его глаз.

С этой ночи совершаются чудеса. И все “разыгрывается, как по нотам”, как сказал бы чувствительный философ.

На рассвете Раймонд заглянул в окно — в этот первый свой весенний день — и видит: там, где вчера грозил дикий лес, смотрит в глаза чудесный город.

И разве это не чудо: город вырос за одну ночь!

Построить “обыденный” город, как это возможно без волшебства, но очереди перед банками — вкладчики заначканные известью, прямо с работы и все синдикальные, на чудеса не падки, ясно говорили, что Мелюзину не испугали никакие издержки.

Город назван был по Мелюзине Лузиана: Мелюзина значит мать Лузианы.

И громкое имя Раймонд — граф Лузиньян затмило знатные имена на дальний конец до Екоса, владенья короля Элиаса, отца Мелюзины.

**
*

Ах, попалась птичка, стой!
Не уйдешь из сети,
Не расстанемся с тобой
Ни за что на свете!

(Слышу детскую песню, но детских голосов не различаю — жуткая беспечность держит мою душу).

8

Несметные богатства Лузианы, откуда? — он не спрашивал. Но разве люди проходят мимо? Да, погибаешь, невниманием подтолкнут, а поднялся, тут тебя чужой глаз ошарит: как и почему?

И мертвая сила — зависть окружила Лузиану.

“Счастливая жизнь” — так потом говорят, когда

жизнь прошла. “Полнота любви” — а про это возможно и в настоящем.

Вот Раймонд и Мелюзина неразделимы, и жизнь их на зависть.

И мертвая сила — зависть вошла в Лузиану.

Мужество, кротость и набожность Мелюзины. Дети.

У феи рождаются прекрасные дочери — феи. Сыновья — явление необычное. Оттого ли, что у Мелюзины не колдовство, не чары, этого в ней с избытком, а одна единственная мысль заполняла ее душу — верой человека очеловечиться, за пять лет она родила десять сыновей: Ги, Одон, Уриан, Антуан, Реньо, Жоффруа, Фруамон, Оррибль, Тьери, Раймонд. Одного она отравила в колыбели: это был комок колючих волос со злыми глазами и клыки явственно прорезались в его молочном рту, она боялась, Оррибль убьет своих братьев. Рождение детей ознаменовывалось постройкой городов вокруг Лузианы: Мелль, Вован, Сен-Мексан, Партеней, Ля Рошель, Понс.

Сколько у Раймонда забот. Но это не бремя, тягостная нужда, черная забота, — это волшебное ожерелье, что подымает дух и силы.

Ни часа, ни минуты, занят делом, некогда было подумать.

За пять лет он был верен слову, крепко держал клятву, Мелюзина уверилась. Все казалось идет на человеческий лад, она чувствовала себя, как никогда, человеком.

**
*

Неподалеку от Лузианы построен был по желанию Мелюзины монастырь Меллезик: храм во имя Богородицы-Утолимая печаль.

Пять лет — век. Но есть ли на земле что-нибудь вечное, кроме надежды? Надежда Мелюзины освободиться от чар материнского проклятия сказалась в этом имени “утолимая печаль”.

Меллезик — ее любимое.

И вот однажды летним безоблачным утром их счастливого дня — так потом передавать будут: примчался на взмыленном коне староста из монастырской деревни — ужасные вести:

“По неизвестной причине в ночь сторел монастырь — и люди и скот, и хлеб, как сдунуло”.

“Бог покарал за грехи!” в утешение объяснил простой человек.

— Зависть — поджог! крикнул Раймонд.

“Зависть гасят огнем!” искрой кольнуло его и гнев охватил огнем.

Цепок гнев: завистников — кто поджжет монастырь, и как отомстить — пойдет глубже до самых корней сердца, где расплавленная чуется тайна.

Он вдруг в первый раз спросил себя о Мелюзине:

“Так что же такое суббота — что она делает в субботу и чего скрывает?”

И не гнев, Раймонд присмирел вдруг, а ужас: “недоговоренное, замалчивание — чего?” — ужас сжал его верное сердце.

Хорошо, что случилось не в субботу.

**
*

Стоит лишь коснуться несомненного и освобожденные мысли — им больше нет запрета! — бросятся на живое неприступное передумывать, чтобы подать свое решающее слово.

Мудрая Мелюзина, ты заботой отвлекала Раймонда от мысли — мысль беспокойная сила, она изведет, она растравит нежность любви. Любовь угасая, заполняется мыслью.

Когда про свою любовь скажет себе человек: “грех”, это значит, в его сердце нет больше любви: любовь бездумна, как и несомненное вне мысли. Раймонд коснулся тайны — и потайные двери мысли раскрылись.

**
*

В день освящения нового Меллезика “Утолимая печаль”, когда после церковных торжеств, они дома остались одни, мир сошел в душу — как цветы и уверена была их любовь: поднявшись до вершин, солнцем покрывала, света.

“Вот как мы любим друг друга, сказала Мелюзина, как прозрачен наш путь — ты и я!”

И он готовый повторить ее слова, вдруг замолчал: тайна погасила его ответное “да”.

Если бы дано ему было, он ответил бы слезами — покорно.

На ночь она взяла серебряный песок от Источника-утолимая жажда и ворожа, присыпала ему к сердцу.

Успокоенный, он заснул, но поддонная его душа клокотала.

**
*

Глубоко под землей видит он себя. Кругом стена земля. Выхода нет и нет птицы-мечты, которая подымет из ямы и вынесет его на свет.

“Мне ее как позабыть!” говорит он глухой стене.

Глухо отвечает ему стена:

— Она тебя полюбила, потому что ты ей нужен, твоя клятва зажгла в ней страсть.

Черным прошло по его глазам. И он ослеп. И слышит: из розовой зари выплескивалась песня — ее голос. Беду она предвещала, остерегая, или вспомнила о нем — о их нераздельной любви, чего не вернуть.

И голос поднял его из ямы.

.....

“Ты не знаешь, где и на чем остановиться, говорит кто-то, каждый твой день забит, ты никогда не успеваешь, откладывая на завтра. Тебе надо проснуться. Ты хочешь знать тайну?”

Он не отвечает, насторожился.

“Ступай на реку, иди по берегу, будет омут, бросайся вниз головой”.

“Страшно!” подумал он, но не мог сопротивляться, как будто говорилось не посторонним, а в нем. И он пошел и кинулся в омут. И очнулся под водой.

Он шел по хрустальному дну, как по улице. Под ногами, тонко струясь, играла вода. Навстречу ему Мелюзина.

“Это мой дом”, говорит она.

И от радости он пробудился.

.....

И слышит: кто-то за стеной, их двое. Один говорит: “иди ты вперед”. А другой отвечает: “нет, не пойду!” И входят в комнату. Раймонд зажмурился. Он чувствует, вошла Мелюзина. И тот, кто с ней, спрашивает: “где он лежит?” Раймонд открыл глаза и ужаснулся: спутник Мелюзины он сам, в его руке нож, и приближается.

“Если ты спишь, ты меня услышишь, а проснешься, увидишь”.

И он видит: звезда — рубиновая росплавь — змеей лучится из окна.

9

В пятницу с вечера начиналось.

Ее не узнать было, беспокойно бродит она по комнате, а нет такого уголка, где бы ей укрыться. Неизбежно.

В субботних превращениях было для нее что-то уничительное. Неся проклятие, она не может не превращаться, и это угнетало. А страх, заволоченный годами уверенности, никогда не покидает ее.

Она верила, что только любовь, готовая на всякую жертву и клятву, снимет с нее материнское проклятие. Но она понимала, что и самая беззаветная любовь человека хрупка и неожиданно может наступить разрыв.

Он ее любит и по любви своей верит, и по вере не нарушит клятву. А вдруг разлюбит и пропадет вера, и с верой клятва — и она пропала! А если и не разлюбит, какая человеческая любовь устоит перед тайной? Тайна задушит веру, а с мертвой верой отпадет и клятва.

Узнай он тайну — ее проклятие превращений, какой ужас охватит его и его любовь выдержит-ли? — и она пропала. А если и не отпугнется — любовь безглаза! — все равно, клятва нарушена. Ведь только ненарушимая клятва снимет с нее проклятие, и неважно, превращается ли она.

“Если бы превратиться в человека, жить на земле и умереть в свой час! Умереть — отдохнуть в земле. Человек не может понять, что значит жить на земле без срока, всю тяготу без конца, нашу долю. И может ли человек — с началом и концом — выдержать безначальную клятву?”

И на нее нападает страх.

Скрываться перед любимым и тайной испытывать любовь, возможно ли выдержать?

“И тебе и мне?” говорила она, прислушиваясь к себе — к своей человеческой и нечеловеческой душе.

“Или во имя освобождения сердце человеческое бесстрашно?”

С тоской она прощалась с Раймондом, покидая его до воскресенья.

**

Мудрая Мелюзина, ты освободила человека и он тебе поверил. Ты взяла его тайну, а свою ему не открыла.

Его клятвой живет твоя мечта о свободе.

Мудрая Мелюзина, как могла ты поверить в ненарушимое человеческой клятвы? А твое проклятие в неосуществимой мечте. Наступил конец — мечтать тебе не о чем — твое проклятие неизбежно.

10

В субботу с утра гости: Бертрам, Жан Дарас и с ними приезжие иностранцы — Туринг фон Рингельтинген из Аугсбурга, Мартын Сеяник из Кракова и Иван Руданский с Москвы.

О Лузиане чего только ни говорилось — сказочный город. А о чарах и волшебстве Мелюзины распространились чудеса. Последнее из чудес: Ниорские башни — рассказывают очевидцы, как Мелюзина набрала себе в фартук камней и ночью одна отправилась к стенам города, а на утро, видят две башни, ее волшебство. Кому же не любопытно взглянуть на фею?

Суббота заветный день. Гости обедали без хозяйки.

35

Раймонд объяснил болезнью: Мелюзину нельзя беспокоить. Жаль, но что поделать! Особенно досадовал Руданский: путь с Москвы невеселое путешествие.

После обеда Жан Дарас, бывалый, пошел показывать иностранцам диковинки Луизианы, а Бертрам остался с Раймондом.

Эмери — воспоминания детства — несчастный случай на охоте — оленья шкура и чудеса.

“А часто такое с Мелузиной?”

— Нет, сказал Раймонд, она принимает и не таких еще чучел, недавно из Монголии пожаловал сам Кутыкта, а из Индии Обезьяний царь. Но суббота, это ее день.

“Стало быть, правда?..” Бертрам чего-то не договаривал.

— Так повелось с нашей первой встречи. Суббота ее день. И что ж тут такого? И какой смысл мне накладывать лапу? Над Источником она построила себе часовню. В субботу с утра покидает дом, и весь день одна.

“Одна ли? Ты уверен?”

— Очень набожная. Я никогда не нарушаю ее одиочества. А в воскресенье опять мы вместе.

“Ты на меня не сердись, сказал Бертрам, я давно хотел поговорить с тобой.”

— О разделе?

“О вашей жизни. Стоит только послушать разговоры... ты скажешь не стоит обращать внимания. Но ведь откуда-то идет молва”.

— Зависть.

“Ты прав: там, где талант, жди у незавидных зависть. И это только подымает тебя. Ты обращал внимание на своих детей?”

— Как же, я их очень люблю.

“Впрочем, со стороны виднее”.

— Что ты хочешь сказать?
“Говорю прямо: они не твои”.

— Что?

Раймонд растерянно, как человек под неожиданной стучушкой. Его вдруг ударило: ведь и сам он не раз спрашивал себя, в кого? — ни малейшего родового сходства, никаких фамильных черт, ни в лице, ни в характере. Один Жоффруа чего стоит, такие страшные зубы.

“А чем, по твоему, в субботу занимается Мелюзина, ты говоришь молится...”

— Я не знаю, резко ответил Раймонд и задохнулся: догадка, о чем никогда не загадывал, втянула в себя воздух.

“Откуда у тебя такое богатство? Тут был дикий лес, пустыня, а за эти пять лет — да ведь это целое государство, твоя Луизиана. Да такое или снится или в сказках. Про нее говорят, волшебница, занимается колдовством. И не одна”.

— С кем? вскочил Раймонд, но как ногам удержаться, перед ним все кружится.

“Удивительное дело, столько лет вместе, на глазах совершаются чудеса, и никогда не спросит, как это возможно, откуда? И при этом всегда что-то замалчивается. И не проверит? Называют одного из ближайших к тебе, забыл, как его? Ну, кто у тебя на глазах?”

— Не вижу.

И тотчас все, кто чаще приходил в их дом, прошли перед Раймондом и он засматривает каждому в глаза. И странно, у всех оказывается одинаковые глаза, и этот единственный глаз вдруг всплеснул его — перед ним стоял с “вопиющими” глазами застенчивый Рольдук.

“Рольдук колдун? Невероятно. Но почему же в субботу, вдруг вспоминает, его никогда не видно?”

На столе лежал кабаний нож, подарок Бертрама, “на дикого вепря нынче с рогатиной не ходят”!

Раймонд схватил нож.

— Обоих! — он не сказал, а сверкнул, как нож.

“А ты не горячись. Мало ли что говорят. Коли всему верить, потеряешь веру”.

Но Раймонд весь в шуму — “ты мне говорила неправду!” повторяя, — гнев жег его, шипя, — с ножом на кабана он вышел.

Бертрам за ним.

Дом опустел.

11

Прессина:

Дети, сестры мои! Моя неутоленная любовь — неутолимая жажда. Зачем вы меня разлучили? Я вам открыла глаза на тайны — вы открыли мне тайну. Измена погасила мою веру, но любовь не сжигается ни на каких пожарах. Мстя за меня, вы убили отца, вы отняли у меня мое — чем мне жить в вечном веке. Ждать мне нечего, а жажда жжет. Так будьте ж прокляты, разлучницы! мое проклятие на вас — стерегите свободу не для себя: сокровища, сокола, источник — для себя никогда не дождетесь, как мне не дожждаться Елинаса. Моя кара, пусть будет вашей, дети, сестры мои!

Мелеас:

Бедная моя Мелеас, с какой кротостью ты проводишь дни, на стороже. Пусть на вечный твой век не откроется тебе твоя проклятая доля. Стереги отцовские сокровища, верь, рыцарь придет. Если бы ты знала, что нет такого рыцаря, а если бы и появился, не найти ему потерянный остров. В твое пробуждение ты почувствуешь — как

я боюсь! — твоя кара твоей матери жаждет без утоления — ждать без надежды — жить нечем.

Палатина:

Что твой сокол? Ты не спросишь, зачем стережешь. А я в постоянной тревоге. Вижу твое отчаяние, вдруг да ты очнешься: перед глазами чужая воля и никогда не быть свободной. Стеречь вольную птицу — стеречь свою неволю. Твоя кара — кара твоей матери: память о любимом и никогда не встретить.

Мелюзина:

Обреченная стеречь Источник-утолимая жажда и никогда не утолить свою жажду — мое проклятие.

Она еще не знает свою проклятую долю, она верит.

Все кончено. О чем же мечтать? Я закрываю глаза: мне страшно, Господи, за что это мне — ее страдания — боль моя?

Рубиновые звезды — длинные черные космы окружили меня. В моих глазах одни раскрытые живые губы. Я мог бы коснуться рукою. Моя единственная надежда твоя любовь и верность.

Она убила отца за измену, а измена слову убьет твою надежду. Разлука станет стеною между вами. Крик отчаяния будет единственное твое слово — взблеск разбитой мечты.

Раймонд нарушил слово. Подожжена, горит его любовь — идет с ножом. Мера любви жертва, но какая любовь нуждается в жертве? Веру меряет тайна. Перед тайной нет жертвы. Тайна сильнее любви. И голос ее не заглушить. Тайну можно только зарезать. Жалкий человек, ты пропал!

Крадучись подошел Раймонд к часовне. Согнутый на прыжок — мысли сдунуты, чувства тлеют. В его руке горел нож, и уши точились бритвой. Не дыша, прислушался.

Вода плескалась — бежит ручей.

Глаза шарили стену. Крепкие стены, ни царапины. Глаза царапали камень. Счастье! — в двери царапнул ржавый гвоздь — нож вызвездил гвоздь. И пылающим лицом прижался к щели.

12

Она была одна.

Горбатая — под тяжестью скорби, она блуждала глазами: то-ли ей мерещилась угроза, и бессильная обороняться, она искала, куда бы спрятаться или пропасть. И вдруг, как пойманная, она схватилась за сердце. Правый глаз ее налился кровью, левый запылал иззелено-синим огнем, от боли уши вытянулись, как у летучего мыша, и рот медленно расходился до ушей. Вспыхнув, она вскочила и ломаясь падала и опять подымалась, пылая.

Ее иззелено-синий глаз поднялся над кровавым. И колкой зеленью затопило все, вокруг.

.....

И когда Раймонд очнулся, в его глазах — он различает — стоит косматая и с ее лба повисла львиная лапа. Нож выпал из его рук. И львиная лапа пропала.

И он видит: плоское безглазье и над птичьим носом сел черный мохнатый паук, а изо рта вырезались клыки

и длинный волчий волос колеблется на носу. Косматый зверь! — ноги грузно подымались скакать.

Это было так неожиданно и необычайно, у Раймонда прыгали глаза и ноги била дрожь. И вдруг снова — Мелюзина! ее глаза, и третий чешуйчатый глаз светился с ее лба. Облитая синим, сияя, она плескалась в ванне, но не заметно было ни ног, ни рук — огромная змея, виляя кольцами, вскруживалась и подымала воду.

Всеми чувствами, всем человеком переполнилось, Раймонд толкнул дверь — дверь легко поддалась — и вошел в часовню.

И на его глазах вспугнутая, метнулась змея к окну и ускользнула в ночь.

**

*

Тайны больше не было. Глаза открылись. Тайна только призрак.

Он стоит у скалы. Кругом пустыня. Не гремел ручей — источник ушел. Оттого и такая пустынная тишина.

И видит: испуганные глаза — на него глядит со скалы змея.

— Мелюзина! — с криком он протянул руки.

Она поднялась выше, грозясь:

“Не прикасайся!”

В его опущенных руках глядела бедность человеческой доли! — всем чужой и в мире ни души, кто бы любил его.

Вдалеке стороной мчались всадники: Бертрам, Жан Дарас, Туринг фон Рингельтинген, Мартын Сенник и Иван Руданский — сломя голову уходя с проклятого места.

А Раймонду некуда было возвращаться.

К О Л О В О Р О Т

Раймонд убил Эмери, своего отца, не по замыслу, а невольно — по судьбе: где-то было начертано “преступление” — судьба Раймонда и Эмери нераздельна. Преступление — кровь приведет Раймонда к Источнику-утолимая жажда, окровавленный, он встретил Мелюзину с кровавой рубиновой звездой во лбу. Преступление — “несчастье” соединило с “несчастьем”.

Мелюзина убила своего отца, но не невольно, как Раймонд, а задумав смертью отомстить отцу за измену матери. Значит, преступления могло и не быть. В гневе проклята матерью.

“Невольно”, как бы под-руку кто толкнул, нечаянно — действие роковое, и “в гневе” — вне себя — действие роковое, неизбежное. Раймонд не мог не убить отца, Прессина, мать Мелюзины, была не властна не проклясть дочь.

Общая доля преступление — кровь соединила Раймонда и Мелюзину.

Мелюзина, по проклятию матери, стережет Источнику-утолимая жажда. Стеречь и самой оставаться жаждущей — в этом и проклятие. Она утолит жажду Раймонда — чаруя, успокоит его душу и выведет его, растерянного и заблудившегося, на путь.

Звезды предсказали Раймонду богатство и честь. Мелюзина научит, как и чем добыть богатство: земля — мера земли оленья шкура.

Змеей любовью обвилась Мелюзина. Ее любовь и надежда неразрывны: любовь человека, его верность клятве снимут с нее проклятие. Так, по словам проклинавшей ее матери.

Мелюзина потеряет свою феюную природу — ясное зрение и волшебство, заклятие (*geis*) и станет человеком, как люди, и никогда, ни в какую “субботу” не будет превращаться в чудовищ, зверей, птиц и змею.

Превращение — перемена образа — обнаружение природных свойств.

Материнское проклятие — пламень слова из огня гнева — невольно, вдруг, кровное “материнское” неизбежно. Мелюзина бессильна никаким заклятием (*geis*) расклясть проклятое. Проклятие — слово прожигает до пражили и пракостей, и прожженное ничем не оживишь.

Проклятие судьбинно-роковое: так и должно было быть и по другому не будет — Раймонд убьет отца, а Мелюзине быть проклятой. Оба отмечены — избранные.

Бесполезно спрашивать по человечески: для чего? Судьба творит по своему, человеку непостижимо.

“Историю о Мелюзине” можно представить себе, как *испытание живой человеческой любви призраком тайны*: любовь, способная на все жертвы, не устоит, сохраняя всю свою силу, перед безжертвенным призраком тайны. Есть степень раскаления любви и жертвой будет само любимое, огонь переплеснется и сожжет. Горячая заботливая рука задушит.

Раймонд, при всей своей любви, не может не нарушить клятву.

Да в этом все и проклятие: нет такого человека и не может быть, кто бы победил тайну — тайна сильнее любви.

Легенда раскрывает природу человека: жалкий человек!

3

Судьба не внешняя сила, это какое-то круговращение духовных сил всего живого, спаянного и пронизанного. По человечески судьба безжалостна и беспощадна, но судьбы судеб в глазах человека запечатаны. Болваном родятся на свет, болванами живут на земле и нисколько не поумнев, уходят в могилу, жалкий человек!

Судьба меряет срок, дает Раймонду и Мелюзине поиграть на своей воле.

Мираж судьбы: успокаивает и веришь и вдруг рассеется — стою над пропастью, и тянет из-зов — вниз головой.

Пять лет Раймонд держит слово, не нарушил клятву: суббота — “в субботу не входи и не спрашивай”. Пять лет Раймонд верит Мелюзине: “Суббота ее день”. Пять лет Мелюзина верит и надеется, что верностью своей клятве Раймонд освободит ее от проклятия превращений по субботам.

Пять лет прошло, срок кончился, и тут судьба берет свое. Предопределенное не в воле человека, как и способности человека: таким родился — оно дано.

В гневе ревности, а это значит, в пожар своей любви, — невольно Раймонд поднял нож на Мелюзину — на ее мечту превратиться в человека. Нож на кабана “случайно” дает ему Бертрам — подарок: “ты убил отца, убей мечту”. “Случайно”, что “невольно” — роковое.

Мелюзина открыла матери тайну о измене отца и в материнском проклятии тайна — разлучная тайна Прессины с Елиасом, Раймонда с Мелюзиной.

Самонадеянный хвастливый человек, хвастовство признак бедности, теряет голову перед тайной. Этого Мелюзина не предвидела, она поверила, что ее освобождение возможно через любовь и беззаветную веру человека. Ее проклятие в неосуществимости мечты.

В “обетованной стране блаженства” в царстве фэй, понятия не имеют о человеке, а кто ж из нас не знает, чего стоит человеческая клятва и как окарнаканы его чувства и силы.

4

Раймонд изменил слову, думая о измене Мелюзины и увидел, как изменяется ее образ — превращение ее фейной природы: воздушная, чарующая фея — чудовище змея.

Тайна Мелюзины открылась Раймонду, но его тайна остается не раскрыта, про убийство Эмери знает одна Мелюзина.

Кровь отмщается. Мечь удерживается ненарушимой клятвой. Но с нарушением слова все несчастья упадут на голову Раймонда.

Раймонд не мог не нарушить слова: ревность — сознание своего бессилия — его любовь и оказалась бесильной перед тайной.

Ушла Мелюзина и с ней ее единственная любовь — нет в мире никого, кто бы его так любил, перед ним пустыня, и некуда ему возвращаться — ушел источник и скрылся дом.

5

“Душа человека какие выносит мученья! А часто нам выразить все их, достаточно — звука” — крик Мелюзины. Все отчаянье ее в этом одном звуке. Мечта ее убита, надеяться ей не на что...

Кара Мелюзины жестче кары ее сестер: Мелеас ждет рыцаря, Палатина на стороже сокола, так и будет на их вечный век, а Мелюзина ждала человека, дождалась и потеряла, и на ее вечный век ждать ей нечего, разлука, как и для ее матери, разлука.

6

У кого хватит смелости или какая наивность испытывать любовь тайной. Тайна выше человеческих сил и никакая любовь не устоит перед скрываемым неизвестным. Любовь убить нельзя, но поджечь — и засветится в руках не благословение любимому, а сверкнет нож.

Так случится с Раймондом.

Раймонд сторяча дал клятву Мелюзине “не спрашивать и не входить к ней в субботу”. “Сторяча”, как и “нечаянно” и “случайно” — роковое веление судьбы, а не воли, необходимое, несмотря ни на что и вопреки всему.

Раймонд взялся за непосильное человеку, не выдержал, и пропал.

Мелюзине нет места среди людей, а Раймонду без Мелюзины пустыня — жить нечем и ждать некого.

И куда девалась мудрость Мелюзины, как могла она вынудить клятву неподъемную человеку? Или жажда освобождения глупит не один человеческий разум, а застилает и фейные ясные глаза.

Переступив кровь, Раймонд нашел дорогу в Куломбийский лес к Источнику-утолимая жажда: судьба-конь привела его.

Кровь вызвала Мелюзину — рубиновая звезда вспыхнула во лбу и осветила Раймонда: Раймонд очнулся.

Глаза в глаза: проклятая за убийство отца и отцеубийца.

Мелюзина вознесет Раймонда, но не для него, а для самой себя: она поверила, что через любовь и верность человека она получит свободу.

Раймонд ничего не знает, окружен тайной, которой не смеет касаться рыцарская любовь к Мелюзине. Он любит не для себя, а для нее и держит нерушимо клятву.

Загадав загадку: “суббота”, Мелюзина ничего не открыла о себе — о своих превращениях, она знает, такого человек не вынесет, а если даже Раймонд, по своей любви — любовь тем и любовь, что не пуглива — мог бы и не такое вынести и не отступить, все равно, важна загадка, неизвестное, о чем он клянется не спрашивать.

Мелюзина поверила в силу такой человеческой любви, которую не тронет никакая тайна. Мудрая Мелюзина, такой любви нет — любопытство человека при любви будет сильнее, чем без любви, когда может быть и все равно и самая загадочная тайна обходима.

9

Мелеас стережет сокровища отца — богатство, которое дает власть, но самой ей никогда не воспользоваться, она должна передать рыцарю. Палатина стережет сокола — вольную птицу, а сама всегда в плену.

Мелюзина сторожит Источник-утолимая жажда, но своей жажды ей не утолить и только из рук человека.

Рыцарь не придет, соколу не улететь, а человек не выдержит тайны.

Мелеас и Палатина закляты до вечного века: кончится земля и их существование переменится, — а Мелюзине обещен срок: явление человека и ее очеловечение.

Прессина может превращаться по своей воле, когда ей вздумается, принимать образы ей нужные, а Мелюзина осуждена превращаться в сроки — в субботу. Превращение обычное и легкое для феи, тягостно и унизительно по своему принуждению.

Мелюзина невольница. А освободит ее человек.

Приворожить человека она может. Но обойти тайну не в ее власти. Любовь человека распаляется тайной. Сама любовь и разобьет клятву. Перед призраком сторит и каменное слово.

Какая же судьба Мелюзины?

Превращения окончились, наступило воскресенье, но с Раймондом она разлучена, к людям вернуться ей заказано. Мелюзина попадает в круг “забытых Богом”.

Ее сестры ничего не знают и ждут, а она знает и ждать ей нечего — без надежды до своего вечного века.

Разлучная и разлученная — жажда без утоления — печаль ночи — Мелюзина.

1950

БРУНЦВИК

Был в чешской земле король Брунцвик. Правил королевством разумно и честно в совете старшин и рыцарей. И по всей земле шла о нем добрая слава.

Но что-то было не так, и всякий раз говоря о Брунцвике, вспоминали старого короля Фредерика Штильфрида.

Этот любимый король, прозвище “Орел”, весь свет облетел и все сокровища Праги его вклад: добыча, из разных стран.

Брунцвик с детства не уставал слушать рассказы старого рыцаря Балада о подвигах отца.

И как, бывало, начнет Балад: “и велел Фредерик седлать тридцать коней и взял тридцать юношей и одного старого и поехал до разных неизвестных стран и земель”... — Брунцвик пробуждался: другие глаза, другой взгляд.

“Отец добыл себе орла, скажет-заискрится, а мне давай льва!”

Брунцвик носил имя “пламенный”, Brunst — пожар, и вправду, беспокойный, в отца, а по судьбе сидень,

из Праги ни ногой, да и на празднествах редкий гость; стража меняется, а он в своем доме бессменно.

Королева Неомения с немалым любопытством, а пожалуй горячее, принимала в слух рассказы старого Балады и мечтая о льве, выдумывала свои волшебные сказки.

Но назвать сиднем, ее никак нельзя было: вынужденно она оставалась в Праге, но в Праге не остановишь. У нее был верный рыцарь Ассирский князь Клеопа: из всех рыцарей она выбрала его за длинные ноги, правда, не очень гибкие, но все равно, с таким можно было смело появляться на улицах, в театрах и на собраниях. Клеопа по-собачьи засматривал ей в глаза, всегда готов в огонь и в воду: Неомения была единственная, всем для ее рыцаря, а ее мечта о льве и волшебные сказки пустой звук.

Балад, в который раз вспоминал Фредерика — Орла, рассказывал:

“В канун похода на поиски орла, король обменялся с королевой перстнями: “когда через семь лет ты увидишь свой перстень, знай, я еще жив”.

Этот перстень Брунцвик подарил Неомении.

Их было тридцать юных рыцарей и один старый, не спрашивая, узнаем: Балад. На зеленых конях, как розовый шиповник, они разъезжали по берегу моря. И когда появился на жарком, цвета лисицы, тонкоголовом коне Брунцвик, видят: подплыл корабль, и они вошли в корабль с конями.

И плывут.

Брунцвик впервые на море, все ему в-диво. Да и рыцарям в-новью. И глаза их заволнило море. Один Балад,

ему все видно, ведет корабль, но куда, и сам не знает. И так все было необыкновенно, плывут незамечая дня от ночи и до ночи.

Ночью поднялась буря. Натерпелись страху. Но самый страх стал по утру, когда сорвало корабль и стремглав понесся не по волне, а над волнами.

“Акшитова гора, промурчал Балад, пропали!”

Эта магнитная гора притягивала к себе издалека и кто попадет на гору, живому уйти безнадежно. Корабль пришибло к горе, назад забудь, вылезай.

Любопытство оказалось сильнее страха и пока держались запасы, ни о каком “как назад” не задумывалось.

Остров лесистый, деревья крепкие. А на деревьях люди, как птицы. И эти куролюды ни на какую приманку не идут и на вопросы не отвечают. Балад пробовал знаками объясняться, никакого внимания. Ни вреда от них, ни помощи — бесполезные люди.

Брунцвик, бродя по острову, увидел поле: гнилые корабли и кости. И зауныл: “общая судьба!”

А Балад заметил:

“Кто на страх не дерзает, желаемого не получит”.

Всех коней съели и уж друг на друга нацеливаются. А к куролюдам подступу нет: на ухватку такой брык, коню не по ноге, и перьями в глаза. Делали попытку от горы откачнуться, да все ни к чему, назад тащит, береги голову, такая сила и не мчит, а вихрем свирепеет. И уж стали прятаться друг от друга: страшно попасться на глаза голодному — голодный человек зверее зверя, сожрет тебя без нюшки.

Брунцвик голодный похотливо смотрел, не найдется ли чего поесть, и видит: на берегу голова — потрепанная

баба с синями в подглазье, и руки — избалованные с размытым розовым перламутром, а тело в чешуе рыба и вместо ног хвост.

“Злое ты или доброе?”

“Я такая, какой ты меня видишь. А что такое доброе и злое, я не знаю”.

“Будет ли мне от тебя прок?”

“Часом можешь, а часом не можешь”.

Брунцвик понял. Кругом один, и наклонился над жемчужницей. А на прощанье, нежно поглядев теплый серебряный хвост, спросил как ее кликать? — должно быть, понравилась.

“Европа, сказала она, да ты меня больше не увидишь”.

Балад сказал:

“Это сирена, не связывайся, добром от нее не уйдешь”.

А не все ли равно, ведь и с острова не уйти.

В живых только двое: Брунцвик и Балад. Тридцать рыцарей съели друг друга без остатка, последний подавился.

“Я пойду и съем сирену”.

“Сирену можно... помялся Балад, но не есть”...

“Когда бы Неомения знала!”

— Ты выйдешь отсюда.

“Мертвый”.

— Живьем.

“Но кто меня спасет?”

— Птица.

“Орел!”

— Нагуй.

“Нагуй”... улыбнулся Брунцвик: в нем еще играла жизнь с живым смешно и горько.

— Он прилетает сюда за мертвечиной и что ему под руку попадет, Нагуй зоркий, ухватит и летит прочь. Так и тебя унесет. Лучше быть не знай где и иметь надежду, чем известно и наверняка погибнуть.

“А ты?”

— Мне не впервой, я — во вторую очередь. А на свободе мы еще встретимся.

Балад взял коневью кожу, кровавым подскребком всю ее вымазал, и зашил Брунцвика и с ним его меч крепко в мешок.

Девять дней безвыходно сидит Брунцвик в мешке. Какое надо терпенье! Или свобода, как и любовь, не знает срока!

Только на двенадцатый день прилетел Нагуй, зацепил мешок и поднялся так высоко, куда не донесло Баладово “до свиданья” и не достиг магнит.

Нагуй летит в свои пустые горы. То, что человеку три дня, ему в три минуты. Брунцвику в мешке ничего не видно, но он чувствует: прилетели. Нагуй положил мешок в гнездо между детьми: уверен: мертвое стерво будет детям за поклад. А сам полетел обратно на магнит за Баладом.

А птицам любопытно: что за воздушный пирог принес отец, да и проголодались. И как цапанули рвать мешок, Брунцвик выскочил, а они, глупые, думают, начинка, полетели на него, съесть.

Хорошо что меч, живо Брунцвик со всеми управился, и сам всех съел без остатка.

А были эти Нагуй птицы не маленькие и силы не малой: переносят, как перышко, горный камень, и у каждой по три когтя на лапе, и таких птиц водится мало, жадные и норовистые, друг друга изъедают.

*

**

Сыт на год, а итти куда? — пустые горы. Он вышел из гнезда и пустился бежать — страх клевал его, как птицы.

Девять дней и девять ночей бежит Брунцвик. И чем дальше, тем горы выше.

“Кто на страх не дерзает, желанного не получит!” вспоминается Балад, и по каким не пустым горам его ведет судьба или пропал?

С горы спуск в долину. Счастье Брунцвика — перемена: новые живые силы. И слышит шум. Прислушался — и прямо на голоса. И видит: лев-зверь и змея-дракон култыхаются в-рукопашь и так остервенели — изо льва клоками шерсть летит, а у змеи глаз на выкат и слеза течет. Змея одолевает льва.

Брунцвик с мечом — подскочил к змее. А было у змеи девять голов и из каждой головы огонь.

Рубит он головы, а сам озирается: льва боится. Лев видит помощь, лег на землю передохнуть. И без помехи, шесть змеиных голов срубил Брунцвик и силы оставили его. Тогда вскочил лев и задушил змею.

Брунцвик на земле, лев на змее.

“Теперь моя очередь”, подумал Брунцвик и поднялся. И пошел. “Пронесло!” Глядь, а лев идет за ним.

“От такой находки, чего доброго, без головы останешься!” А идет, не останавливается. И лев за ним.

“Залезу на дерево и перебуду, пока не уйдет лев.” И на первый каштан сиганул. И три дня сидит. И лев под каштаном. Лев не отходит и на лапы подымался и засматривал жалостно.

И вдруг как рявкнет.

Брунцвик от неожиданности кувырком и так головой о землю треснулся, память вышибло. А лев бежать.

И не успел опомниться, лев тащит в пасти коренья и тычет в руку. Брунцвик приложил к голове. И полегчало. Подняться — поднялся, а едва ноги передвигает: и стучка чувствительно, и голод морит.

Лев, не отставая, потянул ноздрями и пропал. И где он там бегал, а вернулся — в зубах серна. И какой оказался умный: на глазах Брунцвика оторвал от серны кусок и себе в пасть и, как в печке, зажарил, подает сернятину с львиной подливкой — о таком вкусном блюде Брунцвик и мечтать не мог.

Что же после этого скажешь: враг лев или друг? Бежать от него или вместе странствовать?

Желание Брунцвика исполнилось, льва он себе добыл — но не для странствования же по пустыне. Надо дорогу искать домой.

На дороге попало высокое дерево. Залез он на самую верхушку — далеко видно. И увидел море, а на море белой полоской остров. И он пошел к морю.

А какое море — и в ширь и в даль. Веет прохладой. Есть прохлада в лесу, насыщает и влечет к вершинам, а на море, одушевляя, влечет вдаль за собой.

Никакого корабля. И он принялся рубить деревья: из бревен сделает плот и пустит на воду.

Лев гонялся за зверем. Ждать-пождать, нету. Брунцвик стал на плот, отпихнулся и плывет — лев тащит веоря и как увидел, плывет, бросился в море, да лапами за плот, а влезть не может. Брунцвик помог, и чуть было оба и с плотом вверх тормашками не утодили на дно.

Ночью на море холодно и чтобы согреться, лев по-

ложит голову на колени Брунцвику — да такого отопления не сыщешь.

Плыли они среди черных гор и вдруг глаза им ожгло, такой был яркий блеск по пути. И когда плот поровнялся с блестящей горой, Брунцвик ударил мечом и отшиб кусок — светящийся камень скатился на плот.

“Гора Коровий кудуб”, вспомнил Брунцвик из рассказаов Балада, и Балада он вспомнил: где то странствует и жив ли?

А лев помалкивает, камень в лапах зажал, нюхает и удивляется: самоцвет!

А за Коровьей горой открылся город: набережная горела в самоцветах. Дома с перебросами и перекидами — воздушные сады. Все располагало на отдых и развлечение.

Брунцвика со львом, не спрашивая, пропустили в город.

Свободно проходил он со львом улицами, засматриваясь на диковинки. Но, когда проник во дворец и увидел короля и королевскую свиту, взяла его оторопь.

Король Алем в рост — горный волот, четыре пары глаз: зеленые спереди — озимый цвет и под теменем голубой бирюзы; руки рябиновая кисть и на каждой пятерне по десять, гнутых серпами, пальцев.

А стража: одноглазые, одноногие, рогатые, двуголовые, песьи, лисьи, свиные и пестрые. Лай, урч, шум, зук, помело.

Брунцвик хотел было на попятный и стал пятиться к выходу, но король его заметил и зыкнул. И вся челядь замолкла.

“Брунцвик! сказал Алем, я знаю твое имя и имя твоего отца. Волею ты пришел или нуждою?”

“Волею”, ответил Брунцвик.

“Так будем жить в дружбе. Я пропущу тебя через железные ворота в твою землю, освободи мою дочь, мою единственную Африку. Ее похитил змей и живет она у змея на острове Арапии — пустынное море, куда корабли не заходят, а живут одни змеи”.

“Ты знаешь мое имя и имя моего отца, меня не пугает что говоришь о своей дочери. Обещай пропустить меня через железные ворота и я добуду тебе твою дочь”.

“Даю верное слово!” сказал король.

Три дня угощают Брунцвика. Уж и в душу не лезет, а все подваливают, и все такое невиданное, какой-то мармелад финиковый, но очень вкусное. И льва не забывают, что говорить, льва окормили подсолнухами. И пришлось отложить поездку.

Брунцвик велел снарядить корабль, взял запасов на полгода, погрузил льва, и с проважатыми отплыл на остров Арапию.

Дорога без приключений, только очень пить хотелось и отпаивались лимоном, да мало действует: теплый, а льда, по тем местам, не достать ни за какие деньги. Как-как добрались до Арапии.

Брунцвик сошел с корабля, привязал канатом к цепной тумбе и со львом направился к воротам. Тут и начались передраги.

Трое ворот, три заставы.

У первых ворот на серебряных цепях два зверя: с лица человек, туловище коня, а хвост свиный — “манитрусы”.

Они поднялись и встряхнулись и весь город содрогнулся. Не будь льва, мечом не одолеть было.

Покончив с манитрусами, идут дальше.

У вторых ворот их встречают два зверя: остророгие “кляты”. Бьются кляты одним рогом, а другой на хребте лежит и когда рог ему сломишь, пустит в ход хребтовый и тут только держись, раненый беспощаден; и каковы они на земле, таковы и на воде сильны.

И опять лев, его зубы колки и пырее рога, и этих зверей поспибал Брунцвик.

Третьи ворота.

Два страшные зверя — “нимфодоры”: по шерсти медведь, зубы коня, рога копытчика, а челюсти — не одного, двух схалнет, не поморщится, нимфодоров все звери боятся.

Не без труда проскочили и эти ворота и попали в город.

Улицы украшены, не Прага, а и на Москве такого не увидишь и повсюду золото и серебро, горы навалены золотые и серебряные.

И когда Брунцвик вошел во дворец и проник в королевские палаты, его встретила Африка.

Все в ней было величественно, в волота отца, и по верх платья поясом до полу два змеинные хвоста: на рудом ярь.

— Кто ты и откуда пришел и как твое имя?

“Я, Брунцвик, королевич чешской земли, меня послал за тобой твой отец король Алем”.

Она удивилась:

— Как ты сюда попал, разве звери спят?

“И долго будут спать”.

— Так беги скорей, пока не проснулись. А отцу скажи, что я здорова.

“Быть мне живу или умереть, хорошо ли будет или худо, но без тебя я не уйду”.

Она внимательно посмотрела на него.

— Правда? и поцеловала его.

Брунцвик почувствовал, как будто чем-то приторно-сладким, она помазала его по губам. “Змеиный поцелуй!” подумал он, и погладил ее.

— Я дам тебе перстень, сказала она, отвечая ему, этот перстень — сила — бесстрашный, наденешь и не будет у тебя никакого страха. Но как ты хочешь вывести меня? Посмотри, я опоясана двумя заклетыми годовыми хвостами. Всякий день он меняет их. От темной зари до рассвета он лежит со мной — его тело скользкое и горячо. Нет, беги, плохо будет.

И ему показалось, змеиные хвосты шевелятся, и стало страшно.

— Надень перстень!

И сама она горячий и влажный надела ему на палец. И сладкий яд он почувствовал на своих губах.

— Держись! крикнула она, твой час!

И что тут поднялось — зашатался пол и все передвинулось, буря ли, свист ли, все вместе — ползло, и падало с потолка, змеясь. И сквозь слекот и шлеп угрожающие голоса.

И показался трехглавый змей-дракон.

Брунцвик взглянул, да это тот самый! — и змей узнал его.

“По твоей милости, воскликнул он, я трехглавый, а теперь покатится твоя башка. А вот и старый знакомый! и жалом змей показал на льва, этой мантрешке без гривы бегать”.

И он дыхнул огнем.

Но Брунцвик не дрогнул. И выхватив меч, метко ударил и с маху две головы счистил, а лев поднялся на задние лапы и, вскоча, задушил змея.

С Африкой вернулся Брунцвик к королю Атому. У железных ворот встретил их король. И не знай, кому больше радовались: Африке, Брунцвику, льву.

Лев чего-то подозрительно забегал вперед и все обнюхивал.

“Хотим дочь нашу Африку дать тебе в жены!” сказал король.

И, не дожидаясь согласия, благословил Брунцвика и Африку всей своей десятилапой пятерней.

А у Брунцвика одно на уме: слово короля — пропустить через Железные ворота домой. Пробовал заговаривать, да у Атома один ответ: “погости, успеется!”

Подбиралась Африка к бесстрашному перстню: “у нее будет сохраннее”. Но Брунцвик запрятал его в задний карман с “видом на жительство” и стговорной грамотой.

Лев сказать не может, но чего-то беспокоится, из комнаты на двор не погонишь, все около Брунцвика и в глаза засматривает.

Ее поцелуй медовый, ее втягивающий мурашечий подмах, но что странно: почему она никогда не снимет пояс — змеиные хвосты? И даже на ночь? Она говорит: “украшение”.

“Разве тебе это мешает? Ведь и ты не расстаешься со своим мечом”.

Ночью он вышел из спальни и попал не в тот чулан. Чулан оказался пустой и только в углу под тяжелой паутиной старинный меч. И не раздумывая вложил он его в свои ножны, а свой меч поставил на его место. Вернулся и лег. Думает, что бы это значило — непροстой меч?

Африка проснулась.

“Какой это меч в чулане?” спросил он.

Она повернулась к нему змеиными хвостами и не отозвалась. А как увидела, что он спит, сейчас же в чулан — и заперла на двенадцать замков.

На утро Африка говорит:

“Ты поминал со сна о мече, тебе он приснился. Я знаю, о чем ты говоришь, но тот чулан за двенадцатью замками”.

— А что же это за меч?

“Меч — самосек”.

— Самосек?

“Не всякому он в руки дается, надо его заслужить”.

— Какой же заслугой?

“Подвигом”, сказала Африка.

— Я тебя освободил от змея, почему бы мне не владеть мечом?

“Освободил меня не ты, а твой лев: льву меч ни к чему. Ты от меня не уйдешь: моя любовь — бесстрашный перстень и беспощадней меча”.

И когда Брунцвик это услышал, он понял свой приговор: живым ему не вернуться. Он обнажил волшебный меч и только подумал, как на его глазах невидимая рука подняла меч на воздух — и голова Африки молча упала с плеч.

И он видит, как ее змеиный пояс распался и поползли, налитые кровью, змеи.

С мечом выскочил Брунцвик из спальни и, не помня себя, к королю.

Король уже поднялся и перед зеркалом над ним трудились его чужие слуги: какой-то одноногий жерлян и дуя, красил его узловатую и растопыренную пятерню, а пеголовый, подвывая, промывал розовой водой темной бирюзовый глаз.

“Управиться с королем и уйти!”

Это решающее единственное желание свободы подняло волшебный меч — и огромная голова волота, не мыкнув, багнулась об-пол.

Брунцвик видел как королевская, челядь, изумясь вытянулась рогом и беспомощно воеет.

Под вой вышел он из дворца: на его пальце бесстрашный перстень, в руке меч-самосек — кто его остановит?

Лев неотступно следовал за ним.

Свободно прошли они через весь город. И распахнулись Железные ворота — путь чист.

Плывите! — Плывут. Но куда? — а море безмолвно.

Издаലെка музыкой манит остров.

“Не попытать ли счастья? думает Брунцвик, спрошу путь в Прагу”.

И направил корабль к берегу — что за чудеса! весь берег танцует: танец, подымаясь с земли, стаей вьется над морем.

“Остров Трипатрита, вспоминается Брунцвику, вечное веселье”.

И когда ступил он на берег, береговые, с криком подплясывая, окружили его.

“Брунцвик! Победитель! как ты сюда попал? Ты будешь танцевать с нами”.

И какой-то закорючато-ногой схватил его за руку и крепко сжал, припаявая. Со львом было проще: ему навязали на хвост погремешку и он, дымчатым сибирским котом, закружился.

Брунцвик знает: стоит только поддаться, и ничем уж не остановишь — нога в плясе безответственна. А высвободить руку не может. Кое-как левой вытянул меч — подумал — и видит: заковырчатоногой без головы самсобоу волчком вертится и все круче, отдаляясь.

“Да правда ли им так весело или этот танец победителей неутолимая скачущая жажда покоя?” подумал Брунцвик, за гриву волоча ошалелого льва к кораблю.

И они плывут — без пути.

“Эмбатанис!” лучезарный город, цвет Коровьего клуба — карбункул!” вспоминается Брунцвику из рассказов Балада.

Они вышли на берег и ходят от дома к дому. Какое благоустройство и всюду запасы, а ни души. И во дворце трон, свечи горят, а ни короля, ни стражи. И ничего не оставалось как, пожелав невидимкам всего хорошего, вернуться на корабль.

И когда они приближались к берегу, вдруг загремели трубы и человек по человеку стали показываться, как будто вываливаясь из воздушных дул. И улицы и площади наполнились людьми. И среди них, окруженный всадниками, король Астриол, люди же его зовутся “недоры”, по-русски невидимки.

“С невидимками трудно ожидать добро: пырнет и скроется и не на ком взыскать!” подумал Брунцвик и взялся за свой верный меч.

А они его увидели.

“Брунцвик! говорят, беззащитный, неразумный явень, зачем ты сюда пришел?”

“Как пришел, так и уйду”, сказал Брунцвик.

А они его хватъ и повели к королю.

“Гордый Брунцвик, сказал Астроил, ты хочешь здесь оставаться?”

— А что ты хочешь со мной сделать?

“Мыслью и гордостью ты не уйдешь из наших рук. Тебя мы укротим”.

И повелел король Астроил привести огненного коня и велит четырем воинам посадить Брунцвика на коня.

Брунцвик, отскочив, выхватил свой меч и тогда головы четырех воинов упали к ногам, пылавшего огнем, коня.

Тогда набросились со всех сторон — и ни один не сдобровал: меч оказался надежнее насилья.

По знаку Астроила в миг все как выело, пустая площадь: Астроил, Брунцвик и лев.

“Чего ты хочешь? спосил Астроил, с нами тебе жить не путь”.

“Я и не собираюсь. Укажи мне путь в мою землю!”

— Я знаю, сказал Астроил, я тебя провожу.

И на королевском корабле с королем Астроилом поплыл Брунцвик домой.

Невидимки в дороге пели песни недоров, выкликакая попутые и махали невидимыми платками.

Ветер был полезный и такой силы, не окончили ужин, как домчало до Праги.

Брунцвик со львом вышли на берег, а король Астроил, но приятельски простившись: с Брунцвиком за руку, со львом за хвост, поднял паруса и побежал в свое королевство недоров-невидимок, в лучезарный Эмбатанис.

Как обрадовался Брунцвик, очутившись в родном городе на родной земле. Семь лет прошло, а ничего не изменилось: улицы, дома, церкви.

Он шел со своим львом — он, победитель! — и все от него шарахались.

— Что это за человек с таким зверем, что хочет сделать он с нашим городом?

А другие говорили:

“Да это укротитель львов, будет показывать представление на королевской свадьбе”.

За все семь лет не было о Брунцвике: ни от него вестей, ни о нем слуху, а королеве Неомении он снился мертвым, и король Астрономус, отец Неомении, решил выдать дочь за аспреского князя Клеопу, ее верного рыцаря.

Со львом без труда пройдя через толпу — только что молодые прибыли во дворец из церкви — Брунцвик оставил льва во дворе, а сам поднялся в королевскую пировую палату.

Неомения со своим князем Клеопой — ей стыдиться нечего: в королевской короне Клеопа был выше ее на три головы.

Увидев Неомению, как обрадовался Брунцвик и загрустил — горечь, как страх, клевала его сердце и он не защищался.

Каждому, кто входил поздравить, жених подносил кубок: одним серебряный, другим золотой. Брунцвику достался золотой.

И выпив, он снял с руки перстень Неомении и положил на дно кубка. А сам вышел и со львом, сквозь толпу через мосты, направился к заставе.

Где-то сказалось в нем решающее слово: “на земле ему нет места, а на сердце человеческое бесполезен меч и судьбы не обойдешь”.

“Не обойдешь!” повторял он вздрагивающими губами и, захлебываясь, шел своей волей открыто на свою судьбу.

А Неомения, увидя на дне золотого кубка перстень, узнала — Брунцвик, значит, жив. А любовь умерла, только любопытство.

Верный рыцарь не мог не исполнить ее волю: князь Клеопа поднялся из-за стола и вышел. Его место занял король Астрономус.

Проходил человек со львом — у всех на примете. Клеопа шел по горячим следам. И у заставы нагнал человека со львом. Было к ночи, рукам виднее. Клеопа протянул руки и, не обгоняя, приглушенным голосом окликнул:

“Король Брунцвик?”

— Я, ответил, не оглядываясь, Брунцвик.

И под мечом скостившихся рук он ткнулся на землю и не вздрогнув, прижался лицом к земле под тяжестью длинного человеческого тела, покрывшего его с головой: змеиным удавом лев задушил Клеопу.

Все свалят на разбойников.

А Брунцвика не опознают. Конечно, ни бесстрашного перстня, ни меча-самосека: кто-то не поленился, успел подобрать. Брунцвик пропал. А Клеопа — вот награда за верность!

И когда их освобожденные души летели в пространстве, забирая высоты с одним незадушенным чувством, любовью, что которая любовь и которая мука неразличимы, лев без оглядки бросился в город и, расшвыривая стражу, вскочил в королевскую пировую палату и улегся у ног Неомении. Надоел порядочно, да и все его боится. А гнать не велено.

А как лев протянул лапы и все с облегчением вздохнули, взялись за шкуру — чучелу делать. Подпороли у горла, а из шкуры лезет — вот никому не догадаться! — ни львиная душа, ни утроба, а старый рыцарь Балад: “Здравствуйте!”

Неомения, взглянув на такое пареное чучело, расхоталась. И своим детским простым смехом пробудила Брунцвика.

Что мне приснилось, Неомения!

“Мне тоже снилось, но я не верю в сны или понимай все наоборот”.

ПРИМЕЧАНИЕ

Для каждого отдельного человека сновидение не обязательно, можно за всю жизнь не увидеть ни одного сна. А история человека без сновидений немислима. Источник мифов или того, что называется “откровением” — сновидение. Погаснет память, сотрутся воспоминания и наступит конец человечества: жить больше нечем! Кто-то скажет, и это будет не человек: “жил на земле человек!” Или ничего не скажет: сновидения не-человека и его образ мыслей — тайна; вздрагивая брюхом, как собака, которой что-то снится, проворчит — и только.

Сновидение пропикает сказку (“Клад” в Докуке и Балагурье, народная, и у Гоголя в “Пропавшей грамоте”), — сновидение в чуде (“Чудо о Димитрии” — Три серпа), сновидение в легенде Брунцвик.

История о славном короле Брунцвике и о великом его разуме, как он ходил по отоцех морских с великим зверем львом и о прекрасной королеве Неомении” — сложилась в Германии в XIII веке, приурочена к Праге и приплетена к чешскому гербу: орел и лев (Штильфрид и Брунцвик). Первое издание в 1565 году. С этого издания в XVII веке сделан русский перевод. Брунцвик, как и

Мелюзина, входят в русский круг любопытных к чудесному.

Старый рыцарь Балад, воспитатель Брунцвика — Балад — Гуверналь Тристана, Синибалд Бовы королевича, Откило царя Соломона — рассказывает Брунцвику о подвигах его отца Штильфрида, “Как мы с ним добыли чудесного Орла”. “А я добуду Льва!” Брунцвик только и мечтает сделать что-нибудь такое, как его отец.

Балад рассказывает не только о виденном “собственными глазами”, а и читанное: Балад знает Александрию — деяния Александра Двурогого, Индию Пресвитера Иоанна — попа-царя, Откровения Мефодия Потарского, Косму Индикоплова.

В Праге какие львы! А пугливый Брунцвик и на улицу редко выходил, все в комнатах. И ему снится море — птица Ног (Нагуй) — Балад превращается во льва — лев служит ему.

Любопытно о природе сирен: все что хочешь, но есть нельзя: получается вроде котлет, если в фарш перелить воду, бросить катышок на сковороду, вспузырится, а ни на вилку и ложкой не подцепить — жалкий, расплзшийся фьюк.

Текст повести и исследование М. Петровского в Памятниках древней Письменности, 1888 год.

Брунцвика читала Московская Русь XVII в. и Петровская Россия XVIII век — читали не по нашему, глухо и немо пробегая глазами, читали всем ртом: и брови ходят и уши в работе. И в XIX-м нашелся любитель — верный глаз! — переделал Брунцвика в сказку: сказка “о Игнатье царевиче и Суворе невидимке-мужичке”. Сборник “Лекарство от задумчивости и бессонницы”.

1949-1950

О Г Л А В Л Е Н И Е

История повести	5
Мелюзина	9
Коловорот	43
Брунцвик	51
Примечание	69

I. C. E.

18, RUE DU FAUBOURG-DU-TEMPLE - PARIS-XIe